

ЧУДНЫЕ ЛЮДИ

Вознесение Спасской Губы

Анатолий Цирульников

В 2007 году в журнале «НО» были опубликованы очерки известного педагога-публициста Анатолия Цирульникова о якутской этнопедагогике.

В нынешнем году мы предлагаем вашему вниманию серию очерков «Чудные люди». В этом номере автор знакомит нас с этнопедагогикой Карелии.

Когда всё умирает, можно ли жить? Не бежать от ситуации, а вырастать из неё, складывая с детьми новые формы жизни? Но где они? Знаю, чтобы ответить, надо подняться на горку — оттуда виднее.

Ориентировка на местности

Поначалу я ничего не увидел. То есть почувствовал, что место необычное, но фигур, летящих над озером, не разглядел и только подумал: «Чудесно». На повороте когда-то стояла церковь, отсюда и название села — Спасское. А Мунозеро по-саамски «муно-ярвинлахте» — утиные яйца. Местные, впрочем, придерживались другой версии. Говорят, будто царь Пётр, искавший в этих местах железо, его не нашёл и в сердцах послал озеро со всеми окрестными жителями на три буквы. По-карельски — «мун». В деревнях и сейчас можно услышать: «Пошёл на мун!»

В петровские времена место, впрочем, не было захолустьем. Процветали металлургические заводы, разрабатывалась мраморная ломка в Белой горе, а малиновый гранит поставлялся ко двору. В Марциальных водах, где сам царь поставил часовню, — уникальный целебный источник, первый в России курорт. Крепостной неволи местный народ не знал. Был мастеровит, умел работать с железом. В начале века село входило в Спасопреображенскую волость, а после семнадцатого года стало райцентром Петровского района (в честь не Петра I, а комиссара Петрова).

Большое было село, с несколькими церквями, с больницей, санаторием, даже собственной типографией... От всего этого — одни руины. Славилось знаменитым петровским хором, в котором пели сто человек. Да и теперь, хотя нет руководителя, временами собираемся и поём, — рассказала Александра Фёдоровна Дорофеева, проучительствовавшая тут полвека. И даже спела для меня вместе с учениками и директором школы Раисой Эймоновной Дьячковой старинные советские частушки о Спасской Губе, где в магазине пусто, а в школе холодно, хоть раздевайся и пляши.

В учительской, где мы сидели, было самое тёплое место, да и вообще чувствовалось, что в этой деревянной, с огромными свисающими с крыши сосульками школе жизнь теплится. Стены в коридоре любовно расписаны узорами, есть и школьный музей — карельская горенка с собранной по дворам утварью, а на двери кабинета истории — лозунг на листочке: «Вместо нового говори нужное».

Понятно, — решил я. В чистом виде «бывший очаг культуры». Так я когда-то сформулировал для себя то, что видел в разных местах России, в некогда процветавших, а затем пришедших в упадок городках и сёлах. Культурные традиции ещё живы,

история местности уникальна, а вокруг всё разваливается. Школа пытается хоть как-то противостоять неизбежности. Отсрочка деградации... А что ещё можно тут сделать — я не знал.

Так бы и уехал в неведение, если бы директор Раиса Эймоновна уже на пороге не обмолвилась про каких-то крылатых кузнецов. Я решил, что это местный фольклор, спросил про источник. «Какой источник?» — удивилась она. «Ну, этих сказок». — «Да это не сказки, люди такие у нас живут».

Тут я внимательней поглядел на место. Оно, правда, было чудесное. Завораживающее озёрным разворотом, на котором располагалось село с бревенчатыми карельскими избами, дымками труб, прорубями, лесами, горками. Одна звалась Мишиной...

Мишина горка

Одни в деревне зовут его Маугли, другие — Левшой, третьи — Карлсоном. Миша Караваев — худющий, с длинными патлами, весь чёрный от копоти, Маугли и есть. У горки, на краю села — кузня, там Миша чудодействует. Оттого — Левша. А третье прозвище — за вращающийся пропеллер за плечами, обычное Мишино средство передвижения. Выглядит это так: встаёт на лыжи, надевает рюкзак с мотором от бензопилы «Урал», к которому прикручен винт, — и понёсся со скоростью 50 вёрст в час! Зрелище, особенно издали, не для слабонервных: винта не видно, руки скрещены на плечах — и летит по озеру. Бабки только крестятся: «Свят-свят».

Появился он тут четыре года назад вроде бы случайно — заехал на горке покататься и остался. Миша — странник. Из своих тридцати шести лет двадцать странничал. В юности не сошёлся в каких-то материях с родителями и очень им благодарен, что не стали хватать за фалды, отпустили (ро-

дители у него потомственные педагоги, дед учительствовал всю жизнь, пока за ним из ГПУ не пришли).

Восемь лет Миша был, как говорит, в ссылке на острове Кижы, плавал по Енисею... Образование в процессе скитаний приобрёл разностороннее. Художник-реставратор «с допуском к самостоятельной работе с историческим материалом» (это значит — может вести раскопки и, если что-то откопает, — реставрировать). Врач-педиатр, хирург, хоть и недоучившийся, но и сейчас, если понадобится, может удалить аппендикс или зуб вырвать в кузнице местным способом. Самое последнее занятие — кузнец; поставил кузню с горном и куёт, что заказывают: ограды, каминные приборы, самолётный винт может сделать, холодное коллекционное оружие. Ещё — тренер по горным лыжам и мотоспорту, саксофонист... «Ну, это так, — говорит, — я дипломы получал автоматически, просто был увлечён, чем занимался».

— А теперь, — спрашиваю его, — определился?

— С чем, с профессией, — уточняет он, — или концепцией жизни?

Ну вот, ещё и философ... Концепция такая: с детства мечтал о деле, которое по душе, а, значит, не рабский труд. Теперь он здесь, и всё получилось. Сейчас самолёт строит и скоро полетит. «А как же кузница?» А это, объясняет, просто мастерская, где можно гвоздь сделать, чтобы подняться на своём самолёте.

У Миши одиннадцать учеников, которые в его кузнице днюют и ночуют. Катаются с горки на горных лыжах, которых раньше в глаза не видели. Смотрят горящими глазами на Мишины виндсерфинги, летающие пилы, мотопарпланы...

Педагогические взгляды Караваева таковы. Главное — не навреди. Прежде чем детей с горки спустить, сам голову сломай. Личный пример выше всяких догм. Упаси Бог вдалбливать что-то.

Но поставить железные условия: да — будем дружить, а нет... «Школьный педагог, — говорит Караваев, — из меня бы не получился, я сам придурок порядочный...»

Дистанции между ним и подрастающим поколением нет. Миша был и рокером, и бритоголовым, и тусовался, и бегал по острову Кижы с топором («искал собеседника»), и ходил по Питеру с мечом под мышкой — пытался наводить порядок («Потом я пришёл к тому, что не могу никого тронуть. Пришёл к добру»), так что шум молодости у него ещё не настолько из головы выветрился, чтобы не понимать пацанов и чтобы они его не поняли. Смотрят на него пацаны, куют что-то в кузне и до чего-то доходят.

«А потом приходят домой и отцам говорят: можно ведь жить, что вы всё водку глушите!»

Деревня его приняла благодаря детям. Ему говорят: «Мой тебя больше всех уважает. Если надумаешь церковь строить, только скажи». В день своего тридцатитрёхлетия Миша поставил на горе поклонный крест. По правилам теперь надо бы часовню срубить. Впрочем, святость жизни в Мунозере преувеличивать не стоит. «Летать тут надо бы поменьше, — замечает Миша, — не мозолить глаза. Люди небось думают: вон они летают, а мы вымираем...»

Хотя кроме пацанов находятся у Караваева и другие последователи. Почтальон Яков ходил к Мише, ходил, присматривался к виндсерфингу, потом выдернул жердь из ограды, натянул верблюжье одеяло — и помчался в деревню Мунозеро. Там Мишин знакомый у окна сидел, видит: несётся что-то к избе со страшной скоростью, подлетело к кустам — тр-рах! Потом стук в дверь: почтальон Печкин.

В другой раз Яков решил стать вторым Карлсоном в Спасской Губе: вытесал из доски винт, тормоз от велосипеда поставил, но что-то там у него не работало. Зарылся в снег, пропеллер крутится, рёв, дым — вся деревня сбежалась.

Сашина горка

В Мунозере, куда на Мишином пропеллере можно добраться за четверть часа, на всю деревню пара дымков из печных труб: один — местного деда, другой — Саши и Лены Петлевых.

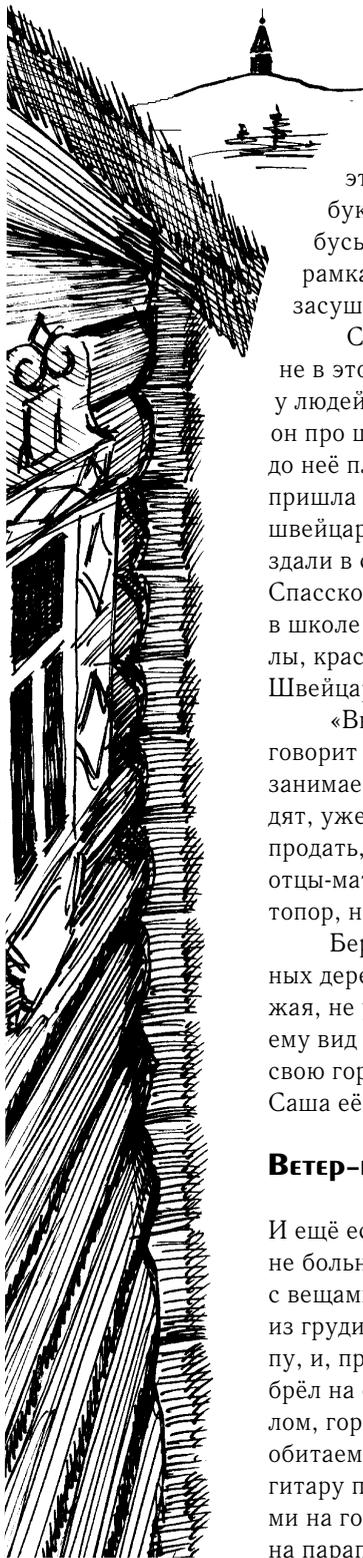
Они переехали сюда из Ленинграда, когда родилась дочка. Саша устроился в заповедник охранником, а потом занялся берестой — изготавливать на продажу сувениры. И так здорово стало получаться, что в магазинах, на ярмарке Сашины берестяные товары шли нарасхват. Тут подросла дочка, пошла в школу на лыжах (шесть километров туда и шесть обратно), и директор Раиса Эймоновна пригласила Сашу вести уроки труда. В селе никто даже корзины не умеет плести. И вот Саша с женой Леной, мастером спорта по плаванию, начали учить деревенских детей работать с берестой, делать игрушки, всему, что умели. (Стоит заметить, что эта история при всей её незатейливости — фантастическая: горожане-петербуржцы селятся в деревне и создают «народный промысел».)

В отличие от Миши Саша Петлевый не словоохотлив. Меня принял настороженно: в рекламе не нуждаемся. Телевизионщики тут порывались про него фильм снять — отказался. Но когда Миша объяснил Саше, что из Москвы репортёр приехал, а педагог, профессор, поговорить, — пригласил к чаю. Дети — другое дело. Саша даже поехал со мной в Спасскую Губу на ночь глядя — отпереть мастерскую в школе и показать, что дети умеют делать.

Ходит к нему постоянно тридцать учеников. Ярмарку организовали, поделок детей даже не хватило — покупали и учителя, и родители. Но смысл не в этом. Саша против конвейера. Важно, что делают своими руками и понимают — стоит столько-то, а это не продадим (много изделий оседает дома).

Ничего сложного в работе с детьми, по его мнению, нет. Ребёнок приходит и полностью тебе доверится, заме-

чает Саша, сплетая из бересты мне в подарок северную розу. Прекрасная, она дрожит на тонкой ножке, но долговечна. И бесценна, как эти вещи, сделанные детьми, — букет хризантем и роз, лукошки, бусы, куклы, картины в берестяных рамках с необычными пейзажами из засушенных цветов и ягод...

Село угасает? Всё разорено? Да не в этом дело! Болезнь, считает Саша, у людей в голове. Вот Раиса, — говорит он про школьного директора, — другие до неё плакались, результат ноль. А она пришла — людей зажгла. Откуда-то швейцарцы появились. Посмотрели и создали в своей Швейцарии фонд друзей Спасской Губы. Дали немного денег, в школе их сразу превратили в материалы, краски, расписали голые стены. Швейцарцы удивились: так быстро?

«Вы спрашиваете, что делать? — говорит Саша. — Мы три года с детьми занимаемся, те, что с самого начала ходят, уже мастера. Могут вещь сделать, продать, к жизни готовы лучше, чем их отцы-матери. Если что, он берёт в руки топор, нож — и уже не погибнет».

Бересту Саша берёт с сухих, валежных деревьев, живые не обдирает. Провожая, не утерпел, показал, какой здесь ему вид на жизнь открывается. Завёз на свою горку, высотой девяносто метров. Саша её сам обмерил.

Ветер-помощник

И ещё есть возвышенность... Тоже вроде не больно заметная, а пока доберёшься с вещами до вершины, сердце, кажется, из груди выскочит. Метель заметала тропу, и, проваливаясь по колено в снег, я брёл на огонёк. Созвездия висели над селом, горка стояла над ними. Была она обитаема. На ней топили баню. Пели под гитару прекрасные песни. Летали с детьми на горных лыжах, на сноубордах, на парапланах...

Десять лет назад несколько семей — когда-то студенты университета, заводилы, стройотрядовцы, а теперь педагоги, врачи, инженеры — вычислили эту горку по карте. Надоело ютиться на чужих, выпрашивая место под солнцем, решили найти своё. Зарегистрировали общество — горнолыжный семейный клуб «Луми», по-фински — «снег», — и начали обустриваться.

Таскали на горбу брёвна для дома, тянули провода для подъёмника, расчищали склоны — горка вышла замечательная. Делали они это для себя и детей, а вышло нечто большее. Нужно тут пожить, тогда почувствуешь атмосферу, ту, что они называют «общенческой средой». Здесь много педагогов, которые утверждают, что эта среда развивает и воспитывает детей и взрослых.

Я прожил на горке только два дня с несколькими семьями (а вообще в этом сообществе, считая друзей клуба, двести человек в возрасте от четырёх до пятидесяти) и догадывался, прислушиваясь к разговорам и воображая, как тут бывает, когда соберутся все вместе. Нескончаемый праздник общения... И никому ничего не надо напоминать, каждый может попробовать себя в чём-то, и обязательно найдётся кто-то, кто поможет научиться прыгать с трамплина или кататься по озеру на лыжах под парусом. Хочешь не хочешь, а несколько часов в день надо отрабатывать на склоне, или на кухне, или на огороде. «А бывает, что отлынивают?» — спросил я у педагога из Кондопоги Элины Романовой. «Это их образ жизни, — ответила Элина. — Куда они денутся?»

Утро, все уже встали, кажется, только я на правах гостя ещё под одеялом. Огромное багровое солнце поднимается над горкой, как аэростат. Пролетает, нежно посвистывая, стайка свиристелей — живёт эта птичка теперь только на горке. Здесь много чего редкостного встречается: трёхсотлетняя липа, кедр, королевский клён, ёлки и сосны, с чем-то скрещенные. Ландшафтный заказник... Перед походом на Северный полюс тут

тренируются полярники — те же метели, торосы. Когда-то был детский санаторий, туристические маршруты с просеками, тропинками, избушками, забивавшимися с первым снегом студентами. Теперь всё это заброшено, но один приют у подножия семейный клуб начал восстанавливать, и уже есть лагерь для ребят из Петрозаводска и Кондопоги.

«Луми» — сообщество открытое, деревенские тоже приходят на горку. Детский сад под Новый год навещал Дед Мороз (в городе — он к детям, тут — они к нему сами). Учитель физкультуры Анатолий Мещанский привозит из города трудных ребят. В семейном клубе всегда несколько ребятишек из специальных школ с проблемами в развитии (иногда это просто запущенные дети, попади они сюда раньше, — считает Мещанский, — может, и проблем бы не было). Двух ребят с церебральным параличом поставили на лыжи, потом они в Канаде на олимпиаде получили медаль. Любимые и брошенные, тепличные и растущие, как сорная трава, здоровые и хронически больные — здесь, на горке, все они ближе к небу.

Ветер надувает оранжевый парплан. Виктор готовится к прыжку. Лёша, Катя и другие стажёры от девяти до двенадцати лет присматриваются, как управлять стропами. «Всего тридцать секунд лететь, — замечает председатель клуба Володя Дербенёв, — но для ребят это, конечно, необыкновенно, такого не купишь».

Мне объясняют: как на лыжне привываешь к снегу и он становится тёплым, так тут — к ветру. На серфинге или парплане относишься к нему как к помощнику. Дети на горке всё время прислушиваются: откуда ветер, какой силы. Чтобы взлететь, нужно уловить миг, почувствовать восходящий поток.

А под горкой жизнь у них, как у всех. Не могут, как раньше, свозить детей на море. Даже сюда из Петрозаводска стало накладно приезжать. Главврач районной больницы каждый отпуск от-

правляется на отхожий промысел во Французские Альпы, строит из разобранных карельских изб горнолыжные пансионаты. Педагог работает посудомойкой. Но какие бы сюрпризы жизнь им ни подбрасывала, у них есть своя горка...

Просится самолёт

«Я посредник», — говорит Миша Караваев, имея в виду тех, на горе, и деревенских. Его избушка стоит у подножия, на краю села, к нему заходят по-приятельски те и эти. «Уча других, учимся сами», — поясняет, хозяйничая у плиты, Мишина жена Оля. Миша привез её сюда из шикарного дома в городе. Здешний домик у озера не столь шикарен, но есть в доме столетняя печка, висит медное блюдо с крестом, что-то домотканое, по стенам картины — жилище со вкусом. Оля занимается карельской росписью, в туристических проспектах её мастерская в Кижях, где она проводит лето, значится как объект, который непременно надо посетить.

Место здесь, конечно, волшебное. Тишина, покой.

— По-моему, — говорит философ Караваев, сидя на корточках у горячей печки, — российский менталитет начинает вопреки жизни меняться сам по себе...

— Но жизнь-то от этого не меняется.

— Меняется. Человек просыпается, осознаёт, что свободен от скотских догм, и так радостно становится.

— Тебе кажется, то, что происходит в стране, ведёт к другой жизни?

— К другому человеку ведёт. Здесь никогда не будет хороших дорог, зато научимся летать... А может, нужно просто лечь, закрыть глаза...

— Вот это скорее, — замечаю я.

— Но вообще-то я думаю, — утешает меня Миша, — всё у нас получится в Спасской Губе потихоньку. Годы пройдут, у детей внуки появятся. Гора у нас так и будет, если с места своего не сойдёт.

И о другом:

— Знаешь, есть способ: берёшь ручку, пишешь, что тебе нужно, собираешь в мешок, а остальное оставляешь. А что нужно? Топор, кованый гвоздь, дрова... Да на плечах голова — помнишь сказку? — и заметь, среди этого нужного нет ничего для войны. Что бы ты сделал в кузнице? Топор. Ни в коем случае не меч. Потому что в лесу дикому зверю можно посмотреть в глаза, и он не тронет.

— Может быть, возьмёте это в школу в качестве концепции развития? — спрашиваю я Раису Эймоновну, зашедшую на огонёк.

Она смеётся (но что-то, видимо, берёт, все они, на разных горках, пишут, в сущности, одну концепцию).

— Ни в коем случае, — серьёзно говорит Миша, — к этому надо прийти самостоятельно: как сделать следующий шаг, не наступив другому на горло.

— А вообще буддизм гласит, — подытоживает он, — человек до двадцати лет — ученик, до сорока — воин, до шестидесяти — хозяин дома. Только после этого свободен.

— Ты не свободен? — удивляюсь я.

— Нет, я сейчас воин. Все эти железки, пропеллеры — борьба с самим собой. Когда надоест размахивать кувалдой, пойду в огород. Я воин, хотя ловлю себя на мысли, что лучший выход из ту-

пика сейчас — в земле копаться. Будь я постарше и поумнее, сказал бы себе: Мишуля, вот когда научишься в земле копаться, тогда иди к детям, учи летать.

Дети выются вокруг Миши, а он ходит вокруг будущего самолёта с двигателем от бензопилы «Урал». К пиле Миша Караваяев прилаживает новый винт, он его уже сделал — лежит на подоконнике. Крылья — от дельтаплана. «У Ричарда Баха есть, — говорит, — хочешь самолёт — обязательно будет. Или детали станешь находить, или наследство свалится. Он, как ребёнок, просится, самолёт...»

Теперь, когда я пытаюсь понять, что происходит в Спасской Губе, вижу одну и ту же картину. Человек залезает на горку, привязывает крылья, прыгает и, если сразу не расшибётся, может взлететь — над деревней, озером, лесами, горками, вознестись из обыденной жизни к небесам, подняться над самим собой.

И ведь не один, не два взбираются на горку, прибывают в эти края. Что это за место, где они все собираются? И что тут делают, спасая детей, себя, Спасскую Губу, или, может, она спасает их, давая и нам надежду...

Село угасает? Это как посмотреть. Тут рождается новая жизнь. Что-то всё тянет и тянет сюда людей.

Может, и мне податься? **НО**

